

ОБЩЕСТВО. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 316.6:355
DOI 10.20339/AM.06-22.099

А.П. Погорель,
канд. филос. наук, доцент,
заведующий кафедрой военно-
политической работы в войсках (силах)
Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники, г. Череповец
e-mail: apogor44@yandex.ru

«ИДЕАЛ ВОИНА» КАК ЦЕЛЬ И ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОСИСТЕМЫ

В структуре национально-государственной идеосистемы центральное место занимает образ личности, концентрирующий в себе знаковые для нее ценности. Личность в проблематике идеосистемы проявляет себя в трех аспектах: как субъект, как объект и как идеал. Применительно к армии огромное значение имеет категория «идеал воина», адекватное состояние которой базируется на гармоничном сочетании компонентов «прошлого», «настоящего» и «будущего».

Ключевые слова: национально-государственная идеосистема, личность, личность-субъект, личность-объект, личность-идеал, «идеал воина».

“WARRIOR IDEAL” AS THE GOAL AND TOOL OF THE NATIONAL STATE IDEOSYSTEM

Alexander P. Pogorely, Cand. Sci. (Philosophy), Docent, Head of the Department of military and political work in army (forces) at Military University of Radioelectronics, Cherepovets, e-mail: apogor44@yandex.ru

In the structure of the national-state ideosystem the central place is occupied by the image of the personality, which concentrates in itself the iconic values for it. Personality in the problems of the ideosystem manifests itself in three aspects: as a subject, as an object, and as an ideal. As applied to the army, the category “ideal of the warrior”, whose adequate state is based on a harmonious combination of “past”, “present”, and “future” components, is of paramount importance.

Key words: national-state ideosystem, personality, personality-subject, personality-object, personality-ideal, “warrior ideal”.

Введение

Системный подход к изучению идеологии позволяет взглянуть на нее как на идеосистему. Благодаря такому методическому приему она предстает как модель будущего общества, которое видится либо всему социуму в форме «национально-государственной идеосистемы» (НГИС), либо отдельной социальной группы (страты, класса, сословия и др.) как «классово-групповая идеосистема» (КГРИС) [1]. Для последнего типа идеосистем определяющим является «принцип партийности», основанный на противопоставлении классовых (групповых) интересов национально-государственным. Применительно к идеосистемам коммунизма, либерализма и фашизма (нацизма) А.С. Елисеев, отдельно оговаривая морально-этические различия между ними, указывал на общий для них

фактор «национал-предательства» [2. С. 6], подразумевая под таковым «пренебрежение общенациональными интересами». Идеосистемы, относимые к категории КГРИС, направлены на внутреннее «разъединение» социума и государства.

Национально-государственные идеосистемы, к которым в той или иной степени следует отнести такие феномены как «американская мечта» (англ. *American Dream*), «китайская мечта» (кит. 中國夢 *Чжунго мэн*), немецкий «порядок» (нем. *Ordnung*), британская концепция «бремя белого человека» (англ. *The White Man's Burden*), индийская «хиндутва» (санскр. *हिन्दुत्व*; «индусскость»), северо-корейское «чучхе» (кор. *주체*) и, конечно, «русская идея», стремятся объединить социум, декларируя такую цель. Однако далеко не каждая принятая НГИС способна привести конкретное государство и его общество к успешному развитию.

Данная статья посвящена изучению роли человеческого фактора в идеосистеме. Проблема Человека еще в период Осевого времени продвигается в центр различных духовных систем. Особенно заметным это становится в философии Сократа, избравшего своим жизненным девизом надпись Дельфийского храма, — «Познай самого себя». В эпоху Средневековья важнейшим в христианстве становится сочетание принципов антропологизма (рассмотрение человека как венца творения Бога) и богоуподобления (сотворение человека по образу и подобию Бога). Мыслители Возрождения, абсолютизируя творческие потенции человека, формулируют принцип антропоцентризма, практически ставя его на один уровень с Богом. В Новое время эта линия перерастает в идеосистему либерализма с поднятыми на щит идеями свободы и индивидуализма. Либеральная трактовка человека основывалась на антропоцентристском подходе, с положенным в его фундамент приоритетом интересов индивида над любыми формами коллективизма. В результате, концептуальным ядром данной идеосистемы становится «формальный рационализм и гипертрофированный индивидуализм как эгоистический принцип служения самому себе» [3. С. 103].

В нашей стране интерес к проблеме Человека присутствовал всегда. Об этом задумывались и автор «Повести временных лет», и Кирилл Туровский, и Владимир Мономах. Сергей Радонежский, как проводник концепции исихазма, видел главной целью всей своей деятельности «обожение человека». В эпоху Московской Руси православный идеал личности воплотился в «Домострое». Секулярные процессы конца XVII — XVIII вв., существенно видоизменили, но тем не менее не уничтожили интереса к антропологии. А XIX в. подарил и России, и миру целую плеяду мыслителей, привнесших в проблему Человека большое количество неординарных идей. К созданию новой личности стремился советский проект, являвшийся, несмотря на внешний атеизм, вполне традиционным по своему содержанию.

Сегодня мы снова стоим перед необходимостью «поиска Человека», потому что «тайна онтологии государства есть антропология» [4. С. 51]. Делается это не только и даже не столько для того, чтобы государство могло существовать, сколько для того, чтобы оно могло «воспроизводить себя в историческом пространстве времени» [4. С. 51]. Это имеет прямое отношение к проблеме идеосистемы, т.к. именно она призвана формулировать те смыслы и ценности, на которых формируется наше понимание бытия. Без этих смыслов и ценностей, выполняющих роль посредника между человеком и миром, наше бытие просто перестает для нас существовать.

Человечеству сегодня активно «подсовывают» концепцию трансгуманизма, выдавая ее за вершину современной антропологии. Но данный путь — прямая дорога к антропологическому репрессингу, установлению власти одних над другими, что в корне противоречит традиционным целям отечественной философии и культуры.

Методология изучения идеосистемы

Если внимательно посмотреть на роль и место личности в проблематике изучения идеосистемы, то следует выделить три типа проявления: субъект, объект и идеал. Рассмотрим каждый из них.

Первый тип. Личность выступает в качестве **субъекта** идеосистемы. К данному типу относятся люди, которые формулируют идеосистему (философы, социологи, политики и др.), или, вернее, вербализуют ее, переводя из неопределенно-чувственного состояния в определенно-рациональное. Они занимаются формированием ценностно-смыслового содержания идеосистемы на академическом уровне посредством научного языка. Это необходимый процесс, т.к. идеосистема должна основываться на серьезном научном фундаменте. В этом смысле В.И. Ленин, говоря об идеосистеме как о «научной системе взглядов» (хотя имел в виду только коммунистическую идеологию), был абсолютно прав. Но в таком «научнообразном» виде идеосистема слишком сложна для восприятия большинством населения, поэтому необходима популяризация идеосистемы, т.е. придание ей такой словесной формы (девиз, лозунг), которая будет достаточно привлекательной¹, а потому и принята населением. Этим вариантом занимаются личности — субъекты идеосистемы.

Второй тип. Личность выступает в качестве **объекта** идеосистемы. В эту категорию входят те самые массы населения, для которых идеосистема предназначена и должна вести к соответствующей цели. Следует иметь в виду, что эти людские массы неоднородны — в самом общем приближении в зависимости от того, как они воспринимают национально-государственную идеосистему, их следует разделить на **объекты-носители** и **объекты-потенциалы**.

Для первых — **объектов-носителей** — идеосистема значима не только с эмоциональной, но и рациональной позиции, что означает интериоризацию ценностей идеосистемы и их превращение в фундамент мировоззрения (т.е. идеи осознанно реализуются объектами-носителями на практике).

Для вторых — **объектами-потенциалами** идеосистема воспринимается в основном на эмоциональном уровне, поскольку их мировоззрение находится еще в состоянии «поиска смыслов»². Представитель такой категории людей требует к себе особого внимания со стороны общества и государства, т.к. он «испытывает постоянную потребность в своем «метапрограм-

¹ Так, например, идеосистема «Москва — Третий Рим» присутствовала только в узком слое русских интеллектуалов XVI–XVII вв. Широкие народные массы вряд ли даже знали о ее существовании. И тем не менее русский народ руководствовался этой идеосистемой через такие интерпретационные формы как идея «Святой Руси» или литературный памятник «Домострой».

² Интересный взгляд на градацию носителей идеологии представлен в работе «Русская идея и армия» В.И. Гидиринского. Говоря о дореволюционной России, он предложил выделить «субъекты русской идеи», которых он разделил на активных, так называемых «творцов национальной идеи», и пассивных, для которых «преобладали пассивные формы усвоения русской идеи» [5. С. 81].

мировании» со стороны окружающих, связанную с тем, что он не в состоянии выработать собственную стратегию взаимодействия с жизненной реальностью» [3. С. 120]. Если эта потребность не будет находить удовлетворения со стороны общества и государства, то неизбежный «метафизический голод» будет удовлетворяться «случайным образом», а мировоззрение такой личности будет носить «кочевой» характер. Яркой иллюстрацией такой ситуации может служить то огромное количество деструктивных культов и сект, которое появилось в России в 90-е гг. XX в.³

Третий тип. Личность выступает как **идеал** идеосистемы, т.е. как квинтэссенция ценностей-качеств, которыми она должна обладать в соответствии с конкретной идеосистемой. Если первые два типа личностей (субъекты и объекты) выступают по отношению к идеосистеме внешними феноменами — первые ее формируют, а вторые — в различной степени используют в качестве основы мировоззрения, то третий тип имеет к идеосистеме непосредственное внутреннее отношение, т.е. является частью этой системы. В качестве личности-идеала могут выступать как абстрактные модели (идеальный человек с точки зрения «Домостроя» в период Московской Руси или «Морального кодекса строителя коммунизма» в советское время), так и конкретные люди (былинный богатырь⁴, герои Великой Отечественной войны и др.).

Одним из важнейших положений методологии системного анализа является выделение цели как системообразующего фактора. Автором было высказано предположение о том, что *в качестве цели для идеосистемы следует определять «идеальный тип личности»* [7]. То есть каждая идеосистема в качестве высшей цели своей реализации определяет тот тип личности, который концентрирует в себе ценности, составляющие основное содержание данной идеосистемы.

Объединяющая роль национально-государственной идеосистемы

Мировоззрение каждой личности сугубо индивидуально: сколько людей, столько и мировоззрений. Тем не менее, между ними существует много общего. Даже уникальный для каждой личности статусно-ролевой набор определяется теми нормами и правилами, которые установлены в обществе. Поэтому особое внимание следует уделить тому социетальному

менталитету (вбирающему в себя различные компоненты — этнический, конфессиональный, профессиональный, демографический и др.), который характерен для мировоззрения граждан конкретной страны. Именно он концентрируется в национально-государственной идеосистеме.

Мировоззрение не дается личности по факту рождения, оно формируется годами и подвержено изменениям под воздействием различных факторов на протяжении всей жизни. Этот процесс нельзя пускать на самотек. К сожалению, у нас этот постулат после развала СССР был забыт, а с принятием в 1993 г. Конституции, закрепившей «идеологическое многообразие» и запретившей «государственную идеологию», процесс генезиса мировоззрения приобрел бессистемный характер. В результате сознание многих россиян, по мнению П.В. Петрия и А.А. Озерова, «из-за отсутствия четкой системы ценностных ориентаций и единой государственной идеологии характеризуется неформальностью основных смысловых жизненных ценностей» [8. С. 9]. Данная проблема может быть решена только заменой закрепленного в Конституции понятия «идеологическое многообразие» адекватной категорией «национально-государственная идеосистема».

Роль НГИС в формировании мировоззрения личности огромна — благодаря ей человек обретает гражданственность, патриотизм и многие другие важные для социально ориентированной личности качества. Но наличие НГИС в государстве само по себе также не является гарантией успешной деятельности по формированию у граждан адекватного мировоззрения. К сожалению, при деструктивном содержании НГИС мировоззрение личности может под ее воздействием приобрести негативные характеристики.

Пример современной Украины в этом смысле более чем показателен. За 30 лет, прошедших после развала СССР, сознание украинского народа (братского по отношению к русскому) через НКО, программы Сороса и потраченные на «промывание мозгов» \$5 млрд. (оговорка В. Нуланд) было реформатировано до такой степени, что Украина превратилась в анти-Россию во всех смыслах.

Современные «украинацисты» выросли из галичан-украинофилов, которых пестовали еще в XIX в. власти Австро-Венгрии. Эту противоестественную породу «манкуртов»⁵ противопоставляли тем русинам⁶, которые пытались сохранить верность своим корням. Талергоф и Терезин⁷ явились логическим завершением этой политики.

³ См.: *Фомин Е.В.* Социальные и правовые факторы возникновения новых религиозных движений в России // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2022. № 5. С. 102–106. DOI 10.20339/AM.05-22.102
See: *Fomin, E.V.* Social and legal factors of the emergence of new religious movements in Russia. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2022. No. 5. P. 102–106. DOI 10.20339/AM.05-22.102

⁴ Несмотря на то, что за образами богатырей стояли вполне конкретные исторические личности (Илья Муромец — святой Илия Печерский Чеботок, покаявшийся в Киево-Печерской лавре; Добрыня Никитич — дядя и воевода князя Владимира Святославовича; Алёша Попович — ростовский боярин Александр Попович, погибший в битве на Калке в 1223 г.), тем не менее, «...и сегодня мы представляем былинных богатырей не только эпическими образцами, вызванными к жизни народной фантазией, но своеобразными символами народных духовно-нравственных устремлений, сил и возможностей» [6. С. 37].

⁵ Манкурт — в романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» («И долгие века длится день») так называют человека, попавшего в плен, превращенного в бездушного и полностью подчиненного хозяину раба, лишённого памяти. Данный термин используется для обозначения человека, потерявшего свою историческую и национальную память, поддавшегося чужеродному влиянию.

⁶ Русины — население Галицко-Волынского княжества, в результате монголо-татарского нашествия насильственно отторгнутое от остальной Руси. В дальнейшем оказались в составе Венгерского и Польского королевств. Русины на протяжении веков сохраняли верность своему родному языку и вере предков.

⁷ Талергоф и Терезин — первые в Европе концентрационные лагеря, созданные властями Австро-Венгрии в период Первой мировой войны, в которые помещались и планомерно истреблялись русины, обвиненные в симпатиях к России.

Национально-государственная идеосистема должна быть нацелена на весь социум или, по крайней мере, на большую его часть. Но любое общество или государство неоднородны, еще Аристотель говорил: «Полис – единство непохожих». Для духовного объединения людей необходима НГИС, ориентированная на ценности, которые популярны и ценны для большинства этого социума. Но даже эти ценности воспринимаются представителями различных социальных групп с присущими им особенностями. Например, ценность любви к Родине значима для подавляющего большинства, но тем не менее присутствует определенная групповая интерпретация. Для врача патриотизм проявляется в его миссии целителя, для учителя – наставника, для рабочего – создателя, для писателя – просветителя и др. Патриотизм – это любовь к Родине, реализуемая в соответствующей деятельности, поэтому она неизбежно связывается с групповыми особенностями (причем, не только профессиональными, но и этническими, религиозными и др.).

Учитывать эти социально-групповые особенности необходимо при внедрении ценностей НГИС в общество. Неизбежность такого тиражирования НГИС обуславливается тем, что групповая специфичность в социуме объективна, ее невозможно, да и не нужно устранять, но если НГИС не сможет их охватить, то это сделают КГРИСы. И тогда, как указывалось выше, произойдет разделение социума, т.к. принцип партийности для таких групп является определяющим.

Конечно, это тиражирование должно проводиться по принципу «золотой середины». С одной стороны, нельзя игнорировать групповые особенности, но с другой – не позволено и чрезмерное увлечение классово-групповыми ценностями. Нарушение баланса приведет к расстройству общесоциального механизма.

Воин как идеальный тип личности

Идеальный тип личности как цель национально-государственной идеосистемы включает в себя наиболее универсальные с точки зрения данного социума ценности-качества. Но если принимается утверждение о тиражировании НГИС на групповые варианты, то необходимо учитывать следующее. Тип личности для каждой социальной группы сохраняет в себе социальные ценности-качества, но и придерживается особых / уникальных для каждой конкретной группы ценностей-качеств, точнее их групповые интерпретации. Таким образом, армии, являясь социальным институтом НГИС, в то же время имеет свою специфику как социальная группа, а значит и для армии определяется свой идеальный тип личности.

Воин всегда бытийствовал как отдельная страта. Достаточно вспомнить индийскую варну кшатриев. Подобные образования присутствовали у многих арийских (и не только) народов: у иранцев – сатрапы (от «хштрапаван»), у осетин – род

Ахсартгагата (от «Æxsærtæggaet»), у кельтов – фении, у славян – дружинники и т.д. Но несмотря на эту свою «отдельность», «обособленность», воин более всех других социальных групп обладал, по выражению И.А. Ильина, «живым вдохновением государственности» [10. С. 282].

Троичность ролевых проявлений личности (субъекты, объекты, идеалы) на уровне социума конкретизируется в соответствующих стратах.

Так, в условиях вооруженных сил в качестве *субъектов* выступают те представители армейской элиты, которые конкретизируют и адаптируют положения национально-государственной идеосистемы к условиям вооруженных сил. Особая роль в этом процессе принадлежит военно-политическим работникам всех рангов. Они должны не только сами противостоять информационно-идеологическим диверсиям и воспитывать личный состав в духе НГИС, но и формировать у своих подчиненных навыки и умения по самостоятельной деятельности в этой области.

В качестве второго типа – *объектов*, выступает основная масса военнослужащих. Но особенность армии заключается в том, что большая часть военнослужащих должна выступать не в качестве пассивных объектов идеосистемного воздействия, а являться активными и сознательными носителями национально-государственной идеосистемы. Во всяком случае, преобладающая доминанта субъектов-активистов над субъектами-пассивными в армии остро критична. В принципе, в армейских условиях такая цель вполне достижима, т.е. «...духовная жизнь в армии и на флоте характеризуется наличием в ней строгой системы надежных и четко обозначенных духовных ценностей, на основе которых становится возможным целенаправленное воспитание защитников Отечества» [8. С. 20].

Третий тип – это тот личностный образец воина, который должен выступать в качестве *идеала-ориентира* для военнослужащих и концентрировать в себе те ценности-качества, которые являются наиболее значимыми для них с позиции НГИС.

Особое значение в этом процессе принадлежит такому феномену, как «идеал воина», т.к. именно он определяет направленность социальной активности человека. К сожалению, иногда встречается недопонимание его значимости, когда высказывается мысль о том, что «сегодня идеал может быть один, а завтра – уже совершенно другой» [11. С. 22]. На самом деле, столь конъюнктурной и мгновенной девальвации идеала не бывает, особенно в масштабах такой большой социальной группы как армия. Идеал имеет самое непосредственное отношение к идеосистеме, поскольку является ее основным инструментом. С его помощью как раз и происходит преобразование существующей действительности.

Идеал воина формируется из трех источников: «из опыта, деяний и облика героических воинов прошлого; того нового, что появляется в качествах лучших воинов настоящего, а также из футурологических обоснований развития их способностей применительно к будущим условиям и потребностям» [12.

С. 50]. Иначе говоря, полноценный «идеал воина», который формирует мировоззрения военнослужащих, должен базироваться на адекватном сочетании элементов *прошлого, настоящего и будущего*. При выпадении одной из «хронологических» компонент это приводит к снижению действенности «идеала воина» как инструмента идеосистемы.

Например, в 20–30-е гг. XX в. в Красной армии практически отсутствовала компонента *«прошлого»* в «идеале воина». Левацкая концепция советского государства, отстаиваемая той частью большевицкой партии, которая ориентировалась на Л. Троцкого, отвергала прошлое России как чуждое пролетарскому восприятию. Вследствие этого, с 1922 г. в СССР предмет «История» не преподавалась. В исторической науке господствовала «школа Покровского», доводившая политизацию истории до крайних значений и приведшая к чрезвычайной примитивизации исторической науки.

Пагубность такого положения дел советское руководство начало осознавать еще в начале 30-х годов (возможно, свою роль сыграл приход к власти в Германии нацистов). В 1933 г. в Наркомпросе провели совещание по поводу учебников по истории, а в мае 1934 г. приняли постановление о возвращении преподавания этой дисциплины. В 1936 г. серьезной критике подвергся спектакль «Богатыри», где в карикатурной манере освещалась былинное прошлое Руси. В сентябре 1937 г. был опубликован учебник истории под редакцией профессора А.В. Шестакова. На экраны страны выходят прекрасные исторические фильмы «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940). Во время войны были сняты «Богдан Хмельницкий» (1941) и «Кутузов» (1943).

Окончательный перелом в вопросе утверждения компонента «прошлого» в категории «идеал воина» происходит уже во время войны, когда в дни тяжелейших боев 1942 г. были учреждены ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского (в октябре 1943 г. был также учрежден орден Богдана Хмельницкого, а в марте 1944 г. – ордена Ушакова и Нахимова). В январе 1943 г. приказом НКО № 24 были возвращены погоны. Все эти действия имели целью установление и укрепление духовной связи советских воинов со славным ратным прошлым нашей страны, что, в свою очередь, привело к гармонизации содержания «идеала воина», вобравшего в себя элементы прошлого.

Несомненно, очень важным для формирования «идеала воина» является адекватное место компоненты *«настоящее»*. У нашей армии проблем с героями не было никогда, поэтому мы не нуждались в выдумывании «бэтменов», «спайдерменов», «капитанов-америка» и прочих виртуальных персонажей. Но имея реальных героев, мы далеко не всегда умеем использовать это преимущество.

В 80-е годы прошлого столетия о подвигах наших бойцов в Афганистане общественность информировалась достаточно широко. О них писали газеты, снимались фильмы. Многим памятны наборы плакатов «По афганским дорогам» и «Герои Афганской войны», на которых были изображены участники боевых действий и описывались их подвиги. Практически все военно-

служащие знали о старших сержантах А. Мироненко и Н. Чепике, лейтенантах Н. Шорникове и А. Демакове и многих других.

Но с развалом СССР о героях стали забывать, тем более что либеральная общественность активно навязывала свою весьма «своеобразную» оценку Афганской войны. Затем были события в Чечне. О реально совершаемых подвигах наших солдат и офицеров практически не сообщалось. Мало кто даже из профессиональных военных знал о Юрии Ворновском, Игоре Молдованове, Александре Яковлеве и многих других. И это самым губительным образом сказывалось на самосознании российских солдат. Пожалуй, только подвиг десантников 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии получил более широкий резонанс в обществе.

Отсутствие государственной идеосистемы в России в 1990-е негативно сказалось на эффективности феномена «идеал воина», особенно на современной его составляющей. Если бы внутренняя крепость мировоззрения российских воинов была послабее, или если бы период «идейного безвременья» продлился относительно долго, то это самым пагубным образом сказалось бы на их духовных качествах.

Но ситуация начинает меняться после событий в Крыму 2014 г. и особенно с началом оказания помощи Сирийской арабской республике. О подвигах наших солдат и офицеров не просто начинают сообщать. Народ и армия воспринимают эти поступки с благодарностью и восхищением. Капитан Александр Прохоренко, майор Роман Филиппов, ефрейтор Денис Портнягин занимают свое достойное место в сознании военнослужащих.

Специальная военная операция на Украине внесла новый импульс в процесс укрепления компоненты «настоящего» в «идеале воина». С начала марта в газете «Красная звезда» авторами Л. Хайремдиновым и А. Дуденко публикуются статьи, посвященные подвигам российских военнослужащих. В девяти номерах газеты только в марте месяце описано более 90 подвигов наших воинов. Весьма позитивным моментом этих публикаций является то, что современные действия российских военнослужащих сравниваются с подвигами, совершенными в период Великой Отечественной войны, афганской и чеченской войн, грузино-югоосетинского конфликта и деятельности наших войск в Сирии. Такая смысловая связка самым позитивным образом сказывается на состоянии сознания военнослужащих, да и в целом граждан страны.

Третьим компонентом «идеала воина» выступает *«будущее»*. Его формирование без идеосистемного строительства невозможно. Наличие НГИС жизненно необходимо для формирования компоненты «будущего», так как она задает цель общественно-государственного развития. Невнятность современной идеологической атмосферы России приводит к тому, что компонента «будущего» отсутствует и тем самым негативно сказывается на действенности «идеала воина».

Бесспорно, отсутствие национально-государственной идеосистемы приводит к тому, что вся деятельность государства и общества лишается смыслового духовного стержня. Формирование «идеала воина» служит достаточно наглядным примером этого утверждения. Мы сегодня в данном процессе имеем весьма действенные элементы «прошлого» и «настоящего», но из-за отсутствия НГИС лишены компонента «будущего». В результате у нас отсутствует целостная система формирования мировоззрения воина.

Армия и идеология

Вооруженные силы являются государственной структурой. Это подтверждается, например, п. 1 ст. 10 Федерального закона «Об обороне»: «Вооруженные силы Российской Федерации — **государственная** военная организация» [13. С. 11]. В п. 5 ст. 10 ФЗ указано, что: «Деятельность Вооруженных сил Российской Федерации осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации...» [13. С. 11]. Но в таком случае получается, что военнослужащие должны руководствоваться и ст. 13 Конституции РФ, которая утверждает «идеологическое многообразие» и запрещает «**государственную идеологию**». Согласитесь, возникает определенный когнитивный диссонанс.

Литература

1. *Погорелый А.П.* «Наука об идеях»: проблемы терминологии // Военный академический журнал. 2019. № 4. С. 69–79.
2. *Елисеев А.* Ответ на вызов постмодернизма // Завтра. 2022. Январь. № 1. С. 6.
3. *Соколова Р.И.* Антропологическое измерение российского государства: теория и практика // Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФРАН. 2009. С. 100–144.
4. *Шевченко В.Н.* Антропологическое измерение российского государства: к методологии анализа // Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФРАН. 2009. С. 46–99.
5. *Гидиринский В.И.* Русская идея и армия (философско-исторический анализ). М.: Военный университет. 1997.
6. *Беляев Г.Г., Торгашев Г.А.* Духовные корни русского народа. М.: Былина. 2002.
7. *Погорелый А.П.* Идеальный тип личности как системообразующий фактор национально-государственной идеосистемы // Alma mater (Вестник высшего образования). 2020. № 12. С. 29–35. DOI 10.20339/AM.12-20.029
8. *Петрий П.В., Озеров А.А.* Духовная жизнь российского общества как фактор развития личности воина. М.: Военный университет. 2001.
9. *Клёсов А.* ДНК-генеалогия славян: происхождение и история. СПб.: Питер. 2019.
10. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М.: Русская сила. 1994.
11. *Кириллов В.В.* Человеческий фактор как основополагающий элемент военной мощи государства // Военная мысль. 2004. № 6. С. 17–24.
12. *Серебряков В.В.* Идеал воина // Военная мысль. 2005. № 8. С. 49–59.
13. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «Об обороне». М.: РИПОЛ классик; «Омега-Л». 2016.
14. Общевоинские уставы Вооруженных сил Российской Федерации и Устав военной полиции на 2021 год. Указ президента РФ от 6 мая 2020 г. № 308. М.: АСТ. 2020.

А теперь представим себе командира, перед которым стоит задача воспитывать своих подчиненных. В соответствии со ст. 75 Устава внутренней службы ВС РФ он «обязан последовательно проводить в жизнь политику **государства** в области обороны и безопасности...» [14. С. 20]. Но Конституция запрещает ему ориентироваться на «государственную идеологию». Да и есть ли эта идеология? Как в этих условиях адекватно решать стоящие перед ним задачи?

Заключение

Результатом данной статьи является вывод о том, что национально-государственная идеосистема в качестве своей цели определяет тип личности, соединяющий в себе значимые для данной идеосистемы ценности. Частным, имеющим место в военной организации, случаем такого типа личности является «идеал воина». Для полноценного функционирования данный феномен должен адекватно сочетать в себе категории «прошлого», «настоящего» и «будущего». Для формирования мировоззрения военнослужащих современных российских Вооруженных сил необходим гармоничный «идеал воина» как цель и инструмент национально-государственной идеосистемы.

References

1. *Pogorely, A.P.* "Science of ideas": problems of terminology. *Military Academic Journal*. 2019. No. 4. P. 69–79.
2. *Eliseev, A.* The answer to the challenge of postmodernism. *Zavtra*. 2022. January. No. 1. P. 6.
3. *Sokolova, R.I.* Anthropological Dimension of the Russian State: Theory and Practice. In: *Anthropological Dimension of the Russian State / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, V.N. Shevchenko (ed.)*. Moscow: Institute of Philosophy. 2009. P. 100–144.
4. *Shevchenko, V.N.* Anthropological Dimension of the Russian State: Toward a Methodology of Analysis. In: *Anthropological Dimension of the Russian State / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, V.N. Shevchenko (ed.)*. Moscow: Institute of Philosophy. 2009. P. 46–99.
5. *Gidirinsky, V.I.* The Russian Idea and the Army (Philosophical and Historical Analysis). Moscow: Military University. 1997.
6. *Belyaev, G.G., Torgashev, G.A.* Spiritual Roots of the Russian People. Moscow: Bylina. 2002.
7. *Pogorely, A.P.* Ideal type of personality as system formative factor of national state ideosystem. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2020. No. 12. P. 29–35. DOI 10.20339/AM.12-20.029
8. *Petry, P.V., Ozerov, A.A.* Spiritual life of the Russian society as a factor in the development of a warrior's personality. Moscow: Military University. 2001.
9. *Klyosov, A.* DNA-Genealogy of the Slavs: Origin and History. St. Petersburg: Peter. 2019.
10. *Ilyin, I.A.* On the Essence of Law Consciousness. *Collected Works: In 10 vols. Vol. 4*. Moscow: Russkaya Sila. 1994.
11. *Kirillov, V.V.* Human Factor as a Fundamental Element of State Military Power. *Voennaya Mysl*. 2004. No. 6. P. 17–24.
12. *Serebryakov, V.V.* Ideal of a Warrior. *Voennaya Mysl*. 2005. No. 8. P. 49–59.
13. Russian Federation. Laws. Federal Law "On Defense". Moscow: RIPOL Classic; Omega-L. 2016.
14. General Military Statutes of the Armed Forces of the Russian Federation and the Statute of the Military Police for 2021. Presidential Decree No. 308 of May 6, 2020. Moscow: AST. 2020.